
Е.Н. Пенская

Статья поступила
в редакцию
в мае 2009 г.

ПОРТРЕТ МОЛОДЕЖИ 1960–2000-х ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е — начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования, 2008. 551 с.

Ключевые слова: *качество образования; ресурсы образования; доступность образования; социальное неравенство*

Сразу уточним. Книга рассматривается в двух измерениях: 1) в общем макроконтексте темы, разрабатываемой российскими и нероссийскими социологами, в русле проблемы, которая имеет долгую и разветвленную историю; 2) в макроконтексте социологических трудов, а также художественных и публицистических работ автора — Давида Львовича Константиновского, вписанных, в свою очередь, в большую историю страны. А что же микроконтексты? Это 1960-е и 2000-е годы. Пять десятилетий между двумя рубежными датами. Эта совокупность субъективных и объективных социополитических обстоятельств, которые скопились за сорок-пятьдесят лет, стала предметом исследования и основой личного опыта, научного и писательского, гораздо более емкого, чем удалось вместить в книгу. Эта книга — больше чем монография. Ее природа по-настоящему междисциплинарна, но пересекаются в ней не только научные сферы — анализу подлежат смены жизненных укладов, формаций, фундаментальные тектонические сдвиги, произошедшие в советско-российской системе во второй половине XX — начале XXI в. Исследование под руководством Константиновского проводила целая группа ученых на протяжении десятилетий. Экспертный прогноз, социологический сценарий, философская аргументация — с этой увлекательной сложностью предстоит иметь дело читателю.

Книга объемна и чрезвычайно насыщена по фактуре. Но четкость структуры облегчает работу. В исследовании три фундаментальные части, каждая из которых «тянет» на самостоятельную мини-монографию. Первая часть наиболее сбалансированная: «Жизненные планы молодежи и их реализация в сфере образования». В ней шесть разделов: «Характеристика исследования», «Молодежь в меняющемся социуме», «Школа и социальная дифференциация», «Мир профессий глазами старшеклассников», «Намерения перед окончанием школы», «Реальные первые шаги после школы». Если суммировать все линии исследования, представленные в этой части, учесть операциональность базовых понятий, вводимых здесь автором (социальный отбор и урбанизация, статус родителей), а также оценить динамичность представленной картины — здесь и «Динамика основных влияний», и «Динамика личных планов», и «Динамика действительного распределения выпускников», то станет очевидно, что читатель получает уникальный материал для формирования собственных суждений по проблеме. Диагностика молодежной среды начата в 1960-х годах и продолжается до сих пор. Этот процесс не завершен. Один из парадоксальных выводов из первой части исследования заключается в том, что многообразии реформ и социальных сломов за последнюю четверть века привело к достаточно резкому усилению социального неравенства как одного из важных индикаторов состояния образовательной сферы. *«Как показало исследование, представленное в этой части книги, в годы перемен в нашей стране социальная дифференциация в сфере образования резко возросла. Это проявило себя и в реальных траекториях молодежи в сфере образования, и в структуре личных планов молодых людей, что показывает, насколько чутко они воспринимают сигналы, которые посылает им окружающий мир. Подвижки в привлекательности профессий также отражают восприятие юношами и девушками происходящего в стране. <...> Принципиально важно, что общество не должно увеличивать возможности одних групп за счет ограничения шансов других. Дискриминационные меры не могут быть приемлемыми ни в коем случае. Обязанность общества — способствовать выравниванию возможностей молодых людей из всех его слоев».* Таков промежуточный вывод.

Вторая часть книги — «Доступность качественного общего образования как социальная проблема (2000-е)» — пожалуй, кульминационная, поскольку она затрагивает ряд самых острых и болезненных вопросов. Автор считает необходимым начать разговор с фундаментального пересмотра некоторых традиционных представлений, сложившихся в социальной политике. Во-первых, необходимо преодолеть убеждение, что ограниченный доступ к образованию имеют лишь уязвимые группы населения, тогда как у остальных возможности примерно равные. Здесь выдвигается тезис, крайне важный для исследования в целом: заданные рамки чрезвычайно узки в новой ситуации, неравенство в образовании — почти уни-

Ресурсы качественного образования и их доступность для молодежи

версальная категория, действующая в широком социальном спектре и захватывающая все слои населения.

Во-вторых, автор сразу же вносит мировоззренческие, философские коррективы, призванные изменить сложившиеся интерпретации понятий «доступность» и «качество». «Качественное образование» не означает «образование хорошего уровня качества». Это не синонимы, хотя, говоря о качественном образовании, мы имеем в виду его позитивные свойства. Набор из шести признаков — *«дающее значительный потенциал для дальнейшей социальной мобильности, предоставляющее условия для комфортного проживания жизненного этапа, имеющее хорошее материальное оснащение для учебного процесса, обладающее хорошим финансовым обеспечением учебного процесса, имеющее хороший преподавательский состав, соответствующее запросам потребителей»* — это, по существу, **качества** образования.

Как видим, множественность этого феномена позволяет говорить о новой философии, о новых измерителях, новых гипотезах и новой методике. Суть ее заключается в следующем: *«Центральную объяснительную ценность имеют не только отдельные показатели, но и комплексная картина — распределение этого уровня по различным учебным учреждениям, или профиль доступности качественного образования. Этот профиль, с одной стороны, характеризует качество образования в том или ином учреждении, группе или на территории, с другой — отражает доступность качественного образования, поскольку позволяет оценить распространенность образования заданного уровня качества. Именно в этом смысле можно сказать, что в постановке вопроса о доступности качественного образования “качество” и “доступность” представляют логическое единство»*.

Собственно методика состояла в поиске «интеграла» — в создании инструментов кластеризации, позволившей собрать и упорядочить разные школы прежде всего на основе качественных признаков предоставляемых образовательных услуг. Такие показатели, как сложная (отнюдь не прямая) зависимость результатов обучения от материальной базы и технической оснащенности, легли в основу типологизации учебных заведений. В результате получилось восемь кластеров. *«Школы, входящие в восьмой кластер, образуют совокупность учебных заведений, предоставляющих общее образование высокого уровня по качеству как процесса, так и результата обучения. Закономерно, что эта группа немногочисленна. Собственно, количество таких учебных заведений — первая характеристика качества образования в регионе»*.

Важно отметить, что в разделе представлены три обстоятельных региональных «портрета»: Самарская область, Чувашская Республика, Воронежская область.

В чем продуктивность данной методики? Она позволила выяснить, каков ресурс качественного образования (процесса обучения и его результатов) в столичных и региональных школах, и затем определить, какова доступность этого ресурса для детей,

семьи которых обладают различным социальным, финансовым, культурным капиталом.

Разработка рекомендаций для выработки «мер защиты» — стратегических программ, амортизирующих и даже снижающих негативные последствия возрастающего неравенства, — служит переходом от второй к третьей части книги. Третья часть называется «Моделирование и прогнозирование возможностей молодежи в сфере образования». В ней представлены математические модели, обладающие высоким прогностическим потенциалом и позволяющие реально оценивать в настоящем и будущем шансы в сфере образования для выходцев из разных социальных групп.

Итак, если попытаться вывести «формулу» книги «Образование и неравенство...», то ядро ее составляет триада: а) возможности социологических подходов в реорганизации образовательной сферы; б) методические описания и практические рецепты; в) прогнозирование и опыт получения данных о зависимости хода процессов от влияющих на них факторов.

Многолетняя верность Д.Л. Константиновского своей теме — случай почти беспрецедентный. Такое научное и профессиональное постоянство позволяет проследить собственную внутреннюю микродинамику исследований, регистрировать изменения в трактовках, научном аппарате, а также — что не менее интересно — отчетливо увидеть эволюцию сюжета «образование и неравенство» в большом пространстве истории европейского социума.

Если сравнить этапные монографии Д.Л. Константиновского — «Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му)» (М.: Эдиториал УРСС, 1999), «Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности» (М.: ЦСО РАО, 2000) и «Неравенство и образование. Опыт...» (М., 2008), — мы увидим, что книга 2008 г. не просто преемственна по отношению к предшественникам, она продолжает магистральное исследование, уточняя детали и развивая концепцию.

Рецензенты, к примеру, ранее отмечали уязвимые места в «Динамике неравенства», относя к ним, в частности, центральную для подобных социологических построений методику изучения привлекательности профессий, основанную на предъявлении респонденту их списка [1]. На наш взгляд, книга-2008 отличается от предыдущих тем, что в ней:

- проведен — насколько возможно — методический контроль инструмента в исследовании, что позволило минимизировать смещения при интерпретации данных;
- по сравнению с предшествующими этапами скорректирована методика изучения привлекательности профессий, отчетливее определена сама категория привлекательности, приведен скрупулезный анализ привлекательности профессии как коллективного представления и как мотива профессионального выбора;

Проект про-
тяженностью
полвека

- проблема релевантности опросных данных, фундаментальная для всякого серьезного социологического исследования, существенно редуцирована.

По индексу цитируемости труды Д.Л. Константиновского последние три десятилетия сохраняют ведущие позиции в международных и российских измерительных системах и каталогах. Практически ни одна работа, ни одно исследование в социологии образования невозможны теперь без соотнесения с научными текстами Д.Л. Константиновского, давно ставшими в этой сфере своего рода эталоном, классикой жанра.

Что важнее — исследовательский университет или принцип социальной справедливости?

Образование, равенство, неравенство — древний сюжет. Уже в XVIII в. он выступал катализатором политических и социальных конфликтов. Столкновение двух идей — образование как благо, цивилизующее начало, средство достижения равенства и общественной гармонии и образование как порча, как инструмент, усугубляющий порочность социального устройства, закрепляющий неравенство и несправедливость, изначально заложенные в человеческой природе, — наметилось еще в эпоху Просвещения. «Люди испорчены; они могли быть еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными» [10. С. 24].

С другой стороны, весь комплекс идей о равных возможностях, о равном доступе к благам цивилизации, объединяющим духовное и материальное начало и вполне достижимым через освоение путей, открываемых и предписываемых образованием, очевидно восходит к утопическому сознанию и культуре и, как показывает Д.Л. Константиновский, органично встраивается в идеологию социалистического государства. Исследования 1960-х годов¹ начали последовательно оппонировать этой прочной и достаточно агрессивной мифологии. Почему именно в 1960-х на повестку дня столь остро встала эта тема?

В эпоху «оттепели» население огромной страны впервые обрело собственный голос, и новая или обновляемая пресса способствовала тому, чтобы это многоголосие стало реальностью². Одно из пионерских исследований того времени было проведено группой В.Н. Шубкина [11]. Оно наглядно продемонстрировало, что советское общество отнюдь не свободно от неравенства в системе образования, от порогов, препятствий, скрытых и явных барьеров. Статус этих работ был тогда необычайно высок, нередко сенсационен. «Все это вызвало довольно большой резонанс в стране. Наши публикации получили отклики разного рода. Писали сами молодые люди, учителя... Писали коллеги: первым откликнулся

¹ Международные и российские условия, мотивация проведения подобных исследований, актуализация самой темы «образование и неравенство», разумеется, различны. Но в 1960-е годы происходит «синхронизация» политических процессов, вызванная итогами Второй мировой войны, сильной реструктуризацией общества и «здесь» и «там»; не последнюю роль сыграл фактор «1968 года», сформировавший список молодежных и студенческих запросов.

² О феномене рубрики «Алый парус» в газете «Комсомольская правда» нам уже приходилось писать: [6].

тогдашний руководитель ленинградской группы социологов Владимир Александрович Ядов... А потом исследования по нашей методике “расползлись” по всей стране — они проводились в десяти областях России, в Латвии, Эстонии, Армении, Азербайджане, Средней Азии, среди малых народов Сибири и Дальнего Востока. Более того, после статьи “Молодежь вступает в жизнь”¹ выдержки из нее и некоторые материалы по поводу нашего исследования опубликовала New York Times, мне было предложено там выступать... были отклики официальные. Скажем, к нам в Академгородок приезжают три секретаря ЦК ВЛКСМ, для того чтобы <...> просто поучиться, расспросить нас подробнее о том, что мы наработали. Попросили меня подготовить доклад для руководства комсомола и выше — ЦК партии, я написал такой доклад на три печатных листа со всеми выкладками, графиками, с попыткой прогноза по ряду вопросов. Его передали потом “лично Хрущеву”, и он готов был поставить определенные вопросы на заседании Совета министров. В каком-то преобразованном виде они вошли в соответствующее постановление высших инстанций, чуть ли не съездовских материалов...» [12].

В 1970–1980-е социологические проекты оказались в эпицентре общественных дискуссий [16]. Именно тогда появляется работа П. Бурдые, закрепившая систему координат для интерпретации темы «образование и неравенство» [15]. Согласно Бурдые, образование представляет собой инструмент символического насилия, принимающего форму классификационных конфликтов, в которых враждующие группировки пытаются навязать в качестве единственно легитимных свой взгляд на мир, свои классификационные схемы, свое представление о том, «кого (и по каким причинам) считать кем». В этой и более поздних своих работах Бурдые предлагает искать ответ на классический вопрос социологии о воспроизводстве социального неравенства в системе образования и в других культурных институтах. Школы и университеты ретранслируют изначально неравные социоэкономические условия в различную степень одаренности; поэтому в вузы, номинально открытые для всех, попадают на самом деле только обладатели определенных габитусов, усвоившие необходимые социальные и культурные диспозиции [9]. Практически ни один российский автор не обходит стороной идеи П. Бурдые, цитирование которых нередко становится «общим местом».

«Линию Бурдые» продолжили английские социологи, разработки которых доказали, что образовательные институты, школы прежде всего, скрыто заинтересованы поддерживать и воспроизводить неравенство, неизбежно транслируя его на другую ступень образования, высшую, вузовскую [14].

В британской академической среде и по сей день артикулируются «крамольные» трактовки, нарушающие привычные упрощен-

¹ Опубликована в журнале «Вопросы философии» в 1965 г.

ные подходы «неравенство — плохо, равенство — хорошо». В случае образования, считают ученые, все не так просто, и кто знает, чем способны обернуться стремление к выравниванию возможностей, равный доступ для всех слоев? Не является ли скрытой угрозой сама идея равенства в образовании? А образовательное неравенство не способно ли в конечном итоге служить «охранной грамотой», страховкой от разрушения?

За этими, казалось бы, локальными вопросами просматриваются более общие: есть ли, например, будущее у европейского университета? Сможет ли Европа, колыбель современного высшего образования, иметь через десять лет хотя бы один первоклассный исследовательский университет? Таким образом, тема «образование и неравенство» получает сегодня множество дополнительных коннотаций и не теряет, а, наоборот, обретает новое значение в условиях глобального образовательного рынка.

Деньги — далеко не единственный актив, котирующийся в этом секторе, но они имеют значение. При этом госфинансирование неизбежно влечет за собой рост влияния бюрократии и усиление политических ограничений.

На примере Оксфорда очень хорошо видно, насколько неразрешима данная проблема неравенства и как ее все же пытаются решить.

«Учитывая все потоки специального правительственного финансирования, поддерживающего уникальную, базирующуюся на колледжах систему обучения Великобритании, Оксфордский университет рассчитывает на государственные субсидии в размере от £7,000 до £8,000 в год на одного британского студента. Если бы было принято решение реально “пойти по американскому пути” и применить “модель частных фондов”, Оксфорд должен был бы по меньшей мере учетверить сбор благотворительных поступлений и при этом отказаться от конкурса при зачислении студентов — с тем чтобы иметь возможность платить стипендии учащимся из бедных семей, взимая необходимые средства с богатых семейств, члены которых принимались бы в университет “вслепую”.

<...> Система предоставляемых студентам правительственных займов, которая обеспечивает покрытие расходов на образование на уровне £3,000 на одного студента в год, рано или поздно будет пересмотрена. <...> Правительство объясняет свою приверженность системе займов студентам стремлением сохранить доступность университетского образования для абитуриентов из государственных школ и выходцев из малообеспеченных семей. Оксфорд чрезвычайно скрупулезно соблюдает принцип меритократии в отборе студентов (гораздо более строго, чем это делается в некоторых ведущих американских университетах, которые предоставляют привилегированный доступ к образованию детям “заслуженных выпускников”; отсюда возможность такого феномена, как йельский выпускник Буш-младший), но применению этого принципа мешают слишком многие обстоятельства, как-то: неосведомленность населения о действующих там правилах, пессимистически

настроенные школьные учителя и не поддающийся деконструкции имидж привилегированных университетских кругов, почерпнутый из романа Ивлина Во “Возвращение в Брайдсхед”...

Но кроме (отчасти виртуальной) проблемы политического имиджа существуют вполне реальные политические дилеммы. Если стоимость обучения повысится, сможет ли правительство соответствующим образом увеличить займы студентам? В случае если это произойдет, выпускники университетов будут обременены большими долгами, а правительство — возросшими затратами. Или правительство само покроет разницу, отобрав необходимые для этого ресурсы у больниц, государственных школ и социальных программ? Или оно посоветует университетам самостоятельно изыскивать средства на покрытие этой разницы? Если проводимая Оксфордом кампания окажется успешной, в результате можно было бы создать из собранных денег фонд, предоставляющий стипендии менее обеспеченным студентам, как это делается в Гарварде и Стэнфорде. Но Оксфорд и Кембридж — единственные крупные университеты в Европе, которые могут хотя бы мечтать о таких вещах.

Фонды Имперского и Университетского колледжей Лондона не могут даже приблизиться к такому уровню финансирования, не говоря уже о других ведущих британских университетах. Поэтому если государственное финансовое покрытие будет отменено и эти университеты будут вынуждены поднять плату за обучение (а их академический престиж позволит им это сделать, несмотря на жесткую конкуренцию на глобальном рынке образования), кто будет оплачивать разницу за студентов из бедных семей? Или эти элитные университеты, не входящие в Оксбридж, превратятся в пансионы для богатых — и преимущественно иностранных — студентов?

У меня нет ответов на все эти вопросы. Я не назвал и половины возникающих в связи с ними проблем. Но я знаю, что нам придется заняться их обсуждением в ближайшие годы — и не только в Британии, но и во всей Европе. Фундаментальный вопрос (если хотите, назовите его “оксфордским вопросом”), на который нам предстоит ответить, таков: можем ли мы, европейцы, иметь исследовательские университеты мирового уровня, продолжая придерживаться принципа социальной справедливости в высшем образовании? Или нам придется выбрать что-то одно?» [13].

Мы позволили себе привести столь обширный фрагмент из интервью The Guardian Тимоти Гартон Эша¹ «Можем ли мы сохранить

¹ Тимоти Гартон Эш — один из самых влиятельных социогуманитарных мыслителей, историк, журналист, автор множества книг и публикаций, посвященных политике и “истории настоящего времени”, которые описывают трансформацию Европы на протяжении последней четверти века. На сегодняшний день он является директором Центра европейских исследований (European Studies Centre) при колледже Св. Антония, Оксфордский университет (St. Antony's College), а также старшим научным сотрудником в Гуверовском институте (Hoover Institution) при Стэнфордском университете. Его эссе появляются регулярно в The New York Review of Books, и он также является обозревателем в The Guardian.

университеты», поскольку в нем ясно просматривается современный модус обсуждения интересующей нас темы. С одной стороны, он все больше секуляризируется, сосредоточиваясь на конкретных факторах неравенства: расовых различиях, физических ограничениях, разнообразных формах депривации; с другой — стремится к масштабу, заданному образовательной глобализацией.

В исследованиях последних лет «поколение-XXI» нередко предстает как радикально отличающееся от своих предшественников. Так, к примеру, Фонд «Общественное мнение» совместно с Фондом социальных и маркетинговых исследований (г. Калининград) и Фондом подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» провел исследование «Поколение-XXI: структура и среды достижительных стратегий». Были опрошены более пяти тысяч молодых людей в возрасте 16–25 лет, среди них 1500 студентов ведущих вузов, 2254 активиста молодежных движений. Проведено 19 фокус-групп в 9 городах и 27 онлайн-фокус-групп. Время проведения исследований — февраль и март 2008 г. Президент Фонда «Общественное мнение» Александр Ослон резюмировал: «Данные опросов фиксируют снижение уровня притязаний молодых людей по сравнению с 90-ми годами прошлого столетия. Представители нынешнего молодого поколения — “поколения стабильности” — ориентированы на материальное благополучие, но для них важен не столько достаток как таковой, сколько востребованная профессия и хорошая работа. Новое поколение ценит деньги больше, чем молодежь советской эпохи, но отнюдь не стремится к “любим” или “легким” деньгам» [4].

Было бы интересно посмотреть, как работает аналитическая методика, развернутая в книге «Образование и неравенство», применительно к «поколению-XXI», выстраиваются ли здесь новые динамические ряды, что они отражают. Насколько правы те социологи, которые видят «абсолютную, ни с чем не сопоставимую новизну» молодых людей 2000-х? Сохраняют ли «новые» в своих образовательных интенциях преемственность по отношению к поколениям предыдущих эпох?

«Почва и судьба» социологии образования

Работа Д.Л. Константиновского появилась как раз в тот год, когда проходил III Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия», приуроченный сразу к двум масштабным юбилеям: 50-летию создания Советской социологической ассоциации, первой в нашей стране, и 40-летию учреждения Института конкретных социальных исследований (ИКСИ АН СССР), ныне Институт социологии РАН [3]. Ложка, что называется, пришлась к обеду. Конгресс в очередной раз диагностировал болезненное состояние и неблагополучие отрасли. Первый проректор ГУ–ВШЭ, заведующий кафедрой экономической социологии ГУ–ВШЭ Вадим Радаев отметил: «Все мы понимаем, что к своему юбилею профессиональное социологическое сообщество подошло не в лучшем состоянии. Да, в стране работают десятки социологических факультетов, отделений и кафедр,

ежегодно выпускаются тысячи молодых специалистов и защищаются более полусотни новых докторов наук. Но качество подготовки выпускников и профессиональный уровень тех, кто их готовит, очень и очень разные. Многие свежее испеченные диссертации лучше не читать, чтобы не получить изжогу. Очень незначительное число российских социологов регулярно публикуется в международных социологических журналах. А немалая часть способных молодых специалистов уходит из социологии вовсе. И считать, что виной тому сугубо внешние проблемы (недостаток государственного финансирования и т.п.), слишком уж наивно» [8]. Руководитель Центра фундаментальной социологии ГУ–ВШЭ, главный редактор журнала «Социологическое обозрение» Александр Филиппов считает, что «сегодняшняя социология делает хорошую мину при плохой игре. Социология как большой проект науки об обществе находится в ужасающем положении как у нас, так и “у них”». Более того, «социология перестала быть наукой, на которую нужно обращать внимание публично» [17].

Без особой натяжки и преувеличения можно сказать, что «островком здоровья» в нездоровой профессиональной среде оказалась социология образования. Недаром эта секция на конгрессе была одной из самых упорядоченных и насыщенных. Д.Л. Константиновский, руководитель секции, признавался, что потенциальные участники подали несколько сотен заявок, из которых нелегко было отобрать рабочий минимум.

Почему данный участок науки успешнее других сохранил свои «первообразные черты»? Возможно, причина в таких его особенностях, как:

- не утраченная связь с собственными корнями 1960-х;
- разработка методик на базе актуальных эмпирических исследований;
- сугубая профессиональная и культурная открытость, обеспечившая связь и выходы на родственные территории — в литературу, журналистику, публицистику [7].

И книга Д.Л. Константиновского «Образование и неравенство», безусловно, является показателем устойчивости темы в социологии и пограничных областях, а кроме того, она обладает еще одним мощным свойством: «в ней дышит почва и судьба». Свидетельство тому — два замечательных документа, приложенных в конце: беседы с коллегами Г. Батыгиным и Б. Докторовым. В них — ключ.

«Вы знаете, я и мои родные безумно благодарны тем людям, которые вытолкнули меня из Академгородка. Хотя городок мне снится, а когда вокруг хорошая компания или красивый пейзаж, я невольно говорю: “Как в Академгородке”. Все смеются, потому что заранее знают, что я именно это скажу. Но судьбе не станешь противостоять, тем более — меняющемуся времени. Иногда кто-нибудь приезжает оттуда и спрашивает: “Слушайте, а если бы вы сейчас встретились с этими людьми, которые вас преследовали, что бы вы сделали?” Да если бы не они, я бы никогда сюда не вырвался. Знаете, именно так и решается проблема теодицеи. О до-

бре и зле можно судить не по самому поступку, а по всей цепи, которую он тянет за собой из прошлого в будущее. И тогда в конце концов кажущийся злодей оказывается благодетелем» [5].

...«Все события неразрывно связаны в лучшем из возможных миров. Если бы вы не были изгнаны из прекрасного замка <...> если бы не были взяты инквизицией, если бы не обошли пешком всю Америку, если бы не проткнули шпагой барона, если бы не потеряли всех ваших баранов из славной страны Эльдорадо, — не есть бы вам сейчас ни лимонной корки в сахаре, ни фисташек» [2].

Созвучия налицо. Не исключено, что из такого мироощущения вырастает подлинная социология.

Литература

1. Батыгин Г.С., Мкртчян Г.М., Чистяков И.М. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе. Ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) // Социологический журнал. 2000. № 1–2.
2. Вольтер. Кандид, или Оптимизм / Вольтер. Избранные сочинения. М.: Рипол классик, 1997.
3. III Всероссийский социологический конгресс. <http://www.isras.ru/vsf.html>
4. Дальневосточный информационно-рекламный портал. http://www.dv-reclama.ru/?m_id=1111
5. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е — начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования, 2008.
6. Пенская Е.Н. «Алый парус» — это романтика в действии // Вопросы образования. 2008. № 2.
7. Пенская Е.Н. «1968» в прессе 2008 г. Российская журналистика 1960-х как образовательная среда // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 266–280.
8. Радаев В. Неудобные вопросы российской социологии (ОПЕС.RU). <http://socioline.ru/node/959#comments>
9. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.
10. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981.
11. Шубкин В.Н. и др. Опыт использования количественных методов в конкретных социологических исследованиях / отв. ред. А.Г. Аганбегян. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1964.
12. Шубкин В.Н. Стремление “изменить жизнь” было у меня почти марксистским // Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С.165–166.
13. Ash T.G. Can we have world-class universities as well as social justice in education? // The Guardian. Thursday. 29 May 2008. <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/may/29/educationnews>. (По материалам интервью The Guardian «Можем ли мы сохранить университеты мирового уровня, придерживаясь принципа социальной справедливости?» // Русский журнал. 2008. 23 сентября.)

14. Bloom B.S. (1981) All our children learning: A primer for parents, teachers and other educators. New York: McGraw-Hill.
15. Bourdieu P., Passeron J.-C. (1977) Reproduction in education, society and culture. London: Sage.
16. Jenks C. et al. (1972) Inequality: A reassessment of the effects of family and school in America. New York.
17. http://www.polit.ru/science/2008/10/17/congress_soc.html